

А. ВАЧЕВА

**СОФИЯ-ЕКАТЕРИНА.
ИМЯ И МИФОЛОГИЯ В АВТОБИОГРАФИИ
ЕКАТЕРИНЫ II**

В мемуарах Екатерины II проблема имени эксплицитно не обсуждается. Однако этот вопрос она живо комментирует в своей переписке с Вольтером и Гриммом. Поводы для этого подаются как личные праздники императрицы, так и переход в православие ее невесток, выбор имен для ее внуков. Производит впечатление, что именно эту тему императрица охотно обсуждает в письмах в отличие от темы своего дня рождения и родного города. В письме Ф. М. Гримму от 29 апреля 1775 г. она умоляет своего корреспондента не упоминать о дне ее рождения, так как уже 46 лет, как она слышит о нем и поэтому уши ее оглохли от этого: «Я не люблю этого дня, всегда прибавляется еще один год и в этом [праздновании? — *А. В.*] нет здравого смысла».¹ Сходным образом Екатерина упоминает об этом и в письмах к г-же Бьелке. Если в письме от 21 мая 1770 г. она просто принимает поздравления подруги своей матери, удивляясь быстротечности времени, и отмечает свой возраст: ей минул 41 год,² то три года спустя, 9 мая 1774 г., Екатерину уже беспокоит надвигающаяся старость: «Это 2 мая, которое так часто возвращается, — несмотря на все, что вы мне говорите и желаете прекрасного по этому случаю, всегда приносит мне в подарок лишний год, и по этому самому я не очень-то жалею этот день: что бы ни говорили, а стареться — очень неприятная вещь».³ В одном из писем императрица

¹ Письма императрицы Екатерины II к Гримму / Под ред. Я. К. Грота // Сборник Императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1878. Т. 23. С. 24.

² Сб. РИО. 1874. Т. 13. С. 20.

³ Там же. С. 406.

пресекает любопытство Гримма насчет ее родного города всего одним предложением: «Я не могу понять, почему вы так жалеете о логове принцесс и об этом прославленном Штеттине, которого вы и не видели, неужели вы верите, что трава и вода формируют человека?»⁴ Уверенность в том, что не «трава и вода» формируют человека, а его судьба — его личное дело — основная идея екатерининских мемуаров. Императрица с хладнокровием встречает и бесчисленные, явно ей приятные, славословия французских философов. Она не поощряет ее прославление наравне с Богом, однако тем не менее принимает это. Проблема имени, символики пронизывает как тексты, связанные с собственным имиджем, так и с желаемыми тенденциями в истолковании судеб империи, как это хорошо было показано А. Зориным и В. Проскуриной.⁵ Однако если в научной литературе широко обсуждалось обращение к римской мифологии, то мотивы, связанные с новой небесной покровительницей после перехода Екатерины в православие, не привлекали внимания ученых.

Вопрос об имени, родном и приобретенном, возникает поочередно в начале переписки Екатерины II и с Вольтером, и с Гриммом. Есть три письма обоим корреспондентам — Вольтеру от сентября и декабря 1773 г. и письмо к Гримму от 1776 г., имеющие почти аналогичное содержание по отношению к этой теме. Все они написаны по поводу перехода в православие обеих ее невесток — великой княгини Натальи Алексеевны и будущей императрицы Марии Федоровны. Во всех трех письмах императрица выступает с позиции «главы Греческой церкви». Она категорически заявляет, что русские великие княгини, иностранки по происхождению, проходят не новое крещение, а конфирмацию.⁶ Особенно обстоятельно она объясняет обряд Вольтеру:

⁴ Сб. РИО. Т. 23. С. 57.

⁵ *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... : Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2002; *Проскурина В.* Мифы империи : Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

⁶ Достаточно известны отрывки из писем юной Софии-Фредерики к ее отцу, в которых она просит разрешения на переход в православие (письмо от 3/14 мая 1744 г.) и описывает сам обряд и получение нового имени (письмо от 5/16 июля 1744 г.). В первом письме она, обещавшая отцу при отъезде в Россию сохранять верность лютеранству, старается убедить его в правомерности своего обращения: «Так как я не нахожу почти никакой разности между верами греческою и лютеранскою, то решилась, после того как вникнула в милостивые наставления вашей светлости, переменить (исповедание), и пришлю к вам в первый день мой символ веры» (Сб. РИО. 1871. Т. 7. С. 4). Это письмо лишено прежней теплоты в отношении дочери к любимому отцу. В следующем же письме новообращенная Екатерина пишет отцу в том же официальном тоне о церемониях перехода в православие и обручения: «Ее императорское ве-

«Как глава Греческой церкви не могу я без нарушения совести оставить вас в заблуждении, не выведя из оногo. Вы хотели бы, чтоб великая княгиня перекрещена была в церкви Св. Софии; перекрещена, говорите вы? Нет, государь мой, Церковь греческая никогда не перекрещает, она признает всякое крещение в прочих христианских церквях совершенно истинным и действительным; вследствие чего великая княгиня, по прочтении на русском языке исповедания православной веры, принята в недро церкви посредством нескольких крестных знамений благовонным елеем, которые совершены с великой церемонией; которой обряд как у вас, так и у нас называется миропомазанием. При том же случае и имя дается; но что касается до сего, то у нас очень на них скупы; вы дюжинами награждаетесь, а мы по одному только получаем, для нас и одного довольно».⁷

Акцент в объяснениях падает на то общее, что объединяет обе Церкви, точно так же, как идеология Российской империи еще со времен Петра I искала свои общие корни с Римской империей и пользовалась ее символикой. Екатерина ловко обходит в письме неприятный ей вопрос о затянувшейся осаде Константинополя, известия о взятии которого ожидал от нее Вольтер.

Императрица протестует против беспокойства Гримма, что «прекрасное имя Софии будет утоплено»⁸ в обряде. Вот что пишет она Гримму в 1776 г. по поводу смены имени ее невестки Софии-Доротеи Вюртембергской (будущей императрицы Марии Федоровны), у которой было то же имя: «Знайте, что у нас христи-

личество внезапно решила, чтобы мое обращение совершилось в прошлый четверг, а обручение — в пятницу. Она признала также за благо присоединить ко прочим моим именам имя Екатерины» (Сб. РИО. Т. 7. С. 5). Очевидно, что в отличие от зрелой и опытной мемуаристки юная будущая великая княгиня не прониклась еще русским духом и воспринимает новое имя как дополнение к традиционным нескольким именам в западной аристократической традиции. Об этом она пишет также Вольтеру. Для нее имя «Екатерина» все еще не стало символом ее новой судьбы. Есть еще одно официальное письмо от того же числа на немецком языке (предыдущие написаны на французском) о том же событии: «Светлейший князь, высокоуважаемый родитель! После принесения прежде всего искреннего благодарения Всевысочайшему Существо, как источнику всякого блага, за достижение мною, по материнскому соизволению ее величества, моей всемилостивейшей императрицы, настоящего моего достоинства, я считаю моей дочернею обязанностью известить вашу светлость, что 28 прошедшего июня, вследствие данного мне вами отеческого благословения, я приняла восточную веру, основанную на греко-русском вероисповедании, а на другой день была обручена с его императорским высочеством великим князем и наследником всея России» (Там же. С. 6).

⁷ Письмо от 26 декабря 1773/7 января 1774 г. См.: Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Вольтером. СПб., 1802. Т. 2. С. 178.

⁸ Сб. РИО. Т. 23. С. 55.

ан не подвергают новому крещению; речь идет лишь о конфирмации, при которой, как и у католиков, вам дается имя. Однако это имя, данное Греческой церковью, вы носите, а остальные кладете в карман».⁹ Отрепетированный в письмах к Вольтеру ответ на этот довольно щекотливый вопрос получает развитие: актуальны все имена человека, независимо от частоты их использования, и они несут в себе его предопределение. В опубликованных письмах Екатерины II есть, кажется, лишь один случай, в котором она использует свое имя, полученное при рождении. Это своеобразная декларация по поводу наследства Иевера, которую императрица посылает одному из своих немецких кузенов.¹⁰

В раннем письме 1765 г. Вольтер выражает свое неудовольствие по поводу имени «Екатерина»: «Могу ли я осмелиться всемилостивейшая государыня, сказать, что мне несколько досадно, что Вы именуетесь Екатериною. Древние героини никогда не заимствовали имена из святцов. Гомер и Виргилий нашли бы себя в великом от сих имен затруднении. Вы сотворены не для святцов».¹¹ Перед тем как сделаться певцом «св. Екатерины Петербуржской», фернейский мудрец предлагает в этом письме своей сиятельной корреспондентке метонимические названия, заимствованные из римской мифологии: имена Юноны, Минервы, Венеры, Цереры. Ответ не запоздал. В письме от 28 ноября 1765 г. (очевидно эта дискуссия имела место накануне дня ангела императрицы) Екатерина остроумно отвечает:

«Государь мой!

Голова моя столько же тупа, сколько и мое имя не гармонично: и потому на прекрасные ваши стихи я буду отвечать дурною прозою. <...> Как я ни почитаю себя вправе быть воспеваемою, то не променяю своего имени на имя завистливой и ревнивой Юноны, и тщеславие мое не столь велико, чтоб принять на себя Минервино; не хочу также и имени Венеры; потому что слишком много говорят на счет сей красавицы. Не могу быть и Церерой, потому что жатва в России сего года была весьма дурна. Мое же собственное имя по крайней мере обнадеживает меня в ходатай-

⁹ Цит. по: *Карп С. Я.* Французские просветители и Россия : Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 231. Письмо от 18 августа 1776 г. (Сб. РИО. Т. 23. С. 55). Стоит, однако, привести до конца этот пассаж: «...сохраните это письмо, оно будет драгоценным для антиквариев через две тысячи лет, когда будут обсуждать дела и нравы нашего времени».

¹⁰ Сб. РИО. Т. 23. С. 614 (письмо от 23 марта 1795 г).

¹¹ *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Вольтером.* СПб., 1802. Т. 1. С. 10. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте.

стве за меня моей прокровительницы там, где она находится; и так сообразя все сие, думаю, что оно есть для меня лучшее».¹²

Разумеется, императрица лукавила. Как это убедительно показано учеными, символика Минервы была давно положена в основу ее «сценария власти», вбирая в себя элементы предыдущих эпох — Петровской, Елизаветинской, и приведена в действие еще во время коронационных торжеств, а потом мультиплицирована множеством зрелищ, изображений, поэтических текстов.¹³ Что же касается славы Венеры, то и о самой Екатерине будут говорить многое, причем не одно столетие. Екатерина же заставит также своих западных корреспондентов «полюбить» данное ей при переходе в православие имя и славословить его. Тот же Вольтер в ответе на вышеупомянутое письмо от 24 января 1766 г. несколько озадачен заявлением корреспондентки. Он склонен подождать и посмотреть, насколько преуспеет все еще новая тогда российская императрица прославить свое «неблагозвучное» имя: «Прискорбно умирать, не выдав той, которая предпочитает имя Екатерины именам древних божеств и которая сделает его предпочтительнее оных» (С. 14). В будущем, следя за военными действиями в 1769 г.; он уже будет почти обожествлять ее: «Тебе Бога хвалим или, лучше сказать, тебе, Европейская героиня» (17 октября 1769 г. С. 70), выступать ее пророком, славя ее на латыни: «Te Catharinam laudamus, te dominam confitemur» (30 октября 1769 г.; С. 72). В начале 1771 г. Вольтер пишет уже похвальные стихи св. Екатерине:

Что я из всех святых святой Екатерине
Стал наиболее почтенья отдавать,
То это потому, что нашей Героине
Досталось именем ее себя назвать.

(22 января 1771 г. С. 187).

Вольтер собирается в Петербург на поклонение «св. Екатерине Второй» (11 декабря 1773 г.; С. 144), для него рай земной «везде, там, где Екатерина» (сентябрь 1771 г.; С. 47), еще в 1768 г. он склонен объявить ее Первой, а не Второй, и пр. Смещение «небесной» и «земной» Екатерин начинает проводиться последовательно и обрастает дополнительными смыслами. Местопребывание русской императрицы, как и территории ее побед, становятся в его

¹² Там же. С. 11, 15.

¹³ См.: Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 153—199 и 200—224 (главы «Торжествующая Минерва» и «Минерва и Телемак»); Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 40, 43, 119; Проскурина В. Мифы империи. С. 35, 59, 67, 77, 80.

письмах новым сакральным европейским пространством. Русская императрица в интерпретации Вольтера становится покровительницей религиозной толерантности, героически защищает ценности христианства и, главное, Просвещения. Екатерина II успела заставить своего «учителя» «полюбить» ее покровительницу и если не забыть о любимых им римских богинях, символах потерянной и подлежащей восстановлению античной цивилизации, то хотя бы поставить ее рядом. Это можно рассматривать и как осуществление в жизни императрицы одного из ведущих мотивов жития святой Екатерины — прения с философами, в которых прекрасная и юная восемнадцатилетняя девушка одерживает победу над непререкаемыми авторитетами. Сама императрица осознавала свое приобретенное имя как миссию. По ее мнению, оно не пристало каждой женщине. Известен ее шуточный отзыв в письме Гримму по поводу вероятности того, что у нее появится внучка, носящая то же имя. В письме, написанном через несколько месяцев после появления на свет Александра Павловича, Екатерина как бы предвидит будущее, предполагая рождение многочисленных внуков. По ее шуточному предсказанию, они будут несносны, капризны, красивы, но непоследовательны, будут пренебрегать предрассудками, этикетом, не будут интересоваться общественным мнением, что столкнет их с множеством препятствий, но хуже всех будет та, которая будет названа Екатериной. Из-за своего имени она встретит больше трудностей, чем ее сестры. Смягчить их участь сможет только имя Пресвятой Девы Марии, которое сиятельная бабушка дала бы всем, будь их даже десятеро.¹⁴

Фигура небесной покровительницы императрицы св. Екатерины, одной из самых почитаемых всеми христианскими церквями, приобретает особое значение в переписке с французскими философами и потому, что она соответствует интерпретации образа Екатерины II как объединяющего начала при конфессиональном разделении континента. Сама императрица активно пользуется этими коннотациями в выработке концепции собственного образа в автобиографии.

Болгарская исследовательница Милена Кирова отмечает, что несмотря на распространенное убеждение, что родина — это то место, где человек родился, еще в Ветхом Завете есть представление о том, что родина — это также пространство, которое может быть создано и усвоено.¹⁵ Такому же строительству, по мнению

¹⁴ Письмо от 8 июня 1778 г. // Сб. РИО. Т. 23. С. 91—92.

¹⁵ Кирова М. Една библейска история и два начина да имаш родина. Электронная версия: LiterNet, 11.02.2007, № 2 (87) <http://litenet.bg/publish2/mkirova/edna.htm> (2.01.2011).

исследовательницы, подлежит и имя: «Очень интересна стратегия создать личное имя делами того, кто его носит. Кроме того, видим, как две из основных ценностей бытия человека — место и имя — оказываются подвержены строительству в соответствии с общим законом: импульс, полученный от Бога, может стать действительностью только путем целенаправленных, сознательных усилий человека. И место, и имя, другими словами, являются не столько фиксированной данностью, сколько процессом, в котором создаются определенные значения».¹⁶

* * *

В своей книге о романских моделях в автобиографии Екатерины II я кратко остановилась на семантической игре в тексте, связанной с именем, данным российской императрице при рождении и полученным ею при переходе в православие. Эта семантическая игра, по моему мнению, тесно связана с автобиографической установкой екатерининских мемуаров.¹⁷ Напомню некоторые из своих тезисов. Рациональное начало в автобиографическом рассказе, заданное вступительным силлогизмом и получившее подтверждение в его «решении» в конце поздней редакции, вписывается как нельзя лучше в екатерининский миф: российская императрица предстает как Минерва, земное воплощение мудрости или, в другом варианте, — Астрея, богиня счастья, приносящая с собой золотой век человечеству. Оба мифологических образа активно включались в литературные тексты, сценарии дворцовых праздников, которые должны были демонстрировать авторитет самодержавной власти в России.¹⁸ Вводя в последнюю редакцию своих записок философский силлогизм, Екатерина отсылала читателя к символическому имени, данного ей при рождении, — София (мудрость), синонимической с образом римской богини. Такое автобиографическое прочтение не исключается, если иметь в виду «концентрированную мифологию»¹⁹ этого имени, которое часто носили добродетельные героини романов и комедий. О том, что Екатерина II была исключительно внима-

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Вачева А. Автобиографичният пакт в «Собственоръчните записки» // Вачева А. «Романът на императрицата». Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II. Ракурс на четене през XIX век. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. С. 61—80.

¹⁸ См. также упоминавшиеся исследования Р. С. Уортмана, А. Л. Зорина и В. Проскуриной.

¹⁹ *Fauchery P. La destinée féminine dans le roman européen du 18e siècle: 1713—1807 : Essai de gynécomythie romanesque. Paris: Armand Colin, 1972. P. 70.*

тельна к подобным символам, говорят «номинативные шедевры» в выборе имен Александра и Константина для ее первых внуков, которым предназначалось возглавить соответственно Российскую и подлежащую восстановлению Византийскую империю.²⁰

В одном из ранних автобиографических отрывков Екатерина упоминает другую причину смены ее имени: аллюзии с царевной Софьей. Напоминание о неблагоприятном политическом контексте не входило в планы владетельной мемуаристки. В смысле подчеркнутой преемственности ее правления с делом Петра Великого (лапидарно выраженной в известной надписи к Медному Всаднику: «Петру I Екатерина II»), которая была характерна для мифологии ее царствования, для нее было выгоднее больше не напоминать о своей предшественнице, носившей то же имя, образ которой ассоциировался с деструктивным политическим поведением. В то же время Екатерина переосмыслила и развила заложенную Елизаветой Петровной идею возобновления имен ее родителей в великокняжеской чете. Мемуаристка подчеркивает именно преемственность по отношению к политике Петра I, не отказываясь, однако, от символики имени, данного ей при рождении, которое она продолжает «держат в кармане». Таким образом, первое имя императрицы София еще раз напоминает о предопределенности ее судьбы, об «обреченности» на мудрость, которые хорошо вписывались в мифологию екатерининского правления.

В то же самое время не надо пренебрегать значением имени, с которым императрица остается в истории, — Екатерина — «вечно чистая». Оно напоминает об иллюзии искренности, характерной для жанра автобиографии.

Книга Г. Маркера²¹ о развитии культа св. Екатерины и его роли в политических сценариях русского двора, и особенно в сакрализации женских правлений, позволяет дополнить картину тщательно разрабатываемой в автобиографии императрицы мифологии собственной личности.

По мнению Г. Маркера, «в отличие от своих предшественниц, Екатерина пользовалась преимуществом иметь перед собой несколько примеров женского правления, в результате чего ей не надо было, в отличие от остальных владетельниц, так старательно обосновывать свое правление, окружая себя пантеоном женщин-святых. Однако она была вынуждена формулировать свое собственное право на власть, что она и делает на протяжении всего своего правления внушительным рядом прокламаций,

²⁰ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 63.

²¹ Marker G. Imperial Saint : The Cult of St Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. Northern Illinois Univ. Press, De Kalb, 2007.

ритуальных представлений, портретов и публичных церемоний. Кроме того, она, наиболее светски настроенная по сравнению с другими русскими царицами, многократно обращается к образу св. Екатерины и — шире — к корням женской святости, в том числе к мифу о непорочности, чтобы создать свою репутацию православной правительницы». ²² Автобиография Екатерины в этом контексте — важное неконвенциональное средство, рассчитывающее на условную искренность жанра, имеющее целью поддержание и дополнение тщательно разрабатываемой на протяжении всего царствования мифологии личности императрицы. Мемуары императрицы, предназначенные для потомков, внесли дополнительный штрих в мифологию ее собственной личности. Имена — и полученное при рождении, и приобретенное при переходе в православие и обручении — влияют на концепцию автобиографического образа.

* * *

Собственное имя София имплицитно содержит в себе обещание мудрости в юной принцессе. В ранних черновых отрывках 50—60-х гг. XVIII в., предшествующих первой редакции автобиографии 1771 г., посвященной графине П. А. Брюс, императрица сообщает о необыкновенных качествах своего ума, проявившихся в самом раннем детстве:

«В три с половиной года, говорят, я читала по-французски; я этого не помню... <...> Я так часто слышала, что я умна, что я большая девочка, что я это и вообразила себе <...> я во всем принимала участие, я трещала, как сорока, и была чрезмерно смела, вот тому свидетельство: когда мне было четыре года, в Штеттин приехал покойный прусский король; мне сказали, что следует поцеловать его камзол; он спросил обо мне, меня привели, я пошла к нему и так как старалась поймать край его камзола, а он не позволял этого, то я повернулась в сторону матери и сказала ей угрюмо: „Его камзол так короток, что я не могу его достать“. Он спросил, что я сказала; не знаю, кто ему повторил это, он сказал: „Das Mädchen ist naseweis [девочка умничает]“, и с тех пор каждый раз, как мой отец ездил в Берлин или король приезжал в Штеттин, он меня к себе требовал». ²³

²² Ibid. P. 222.

²³ Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М., 1989. С. 468—469. Далее все цитаты из русского перевода мемуаров даются по этому изданию. В дальнейшем — РТ («русский текст»). Буквами Б, Ч, СРЗ обозначаются соответственно основные редакции — по-

«Я выучилась по-французски и в трехлетнем возрасте уже умела читать и говорила на этом языке. Мать совершала частые поездки к своей многочисленной родне и обыкновенно брала меня с собою. Меня очень любили; я очень хорошо помню, что семи лет я знала, что я очень некрасива, но очень умна. Я училась в детстве истории, географии, читать и писать по-немецки и по-французски, немного рисовать, немного музыки, танцам и разным рукоделиям. Меня наставляли в лютеранской вере: я ужасно любила задавать вопросы, была довольно упряма, очень вкрадчива; у меня было доброе сердце, я была очень чувствительна, легко ударялась в слезы и была крайне подвижна. Я совсем не любила кукол, но очень любила всякие телесные упражнения; не было мальчика отважнее меня; я хвасталась, что я такова, и часто я скрывала, когда мне было страшно; стыд производит это движение; я была довольно скрытная». (РТ. С. 501. Отрывок 1760-х гг.).

К этим вариантам можно добавить еще эпизод продолжительной беседы Фридриха Великого с едущей к своему жениху принцессой, причем «философ на троне» отдает должное достоинствам своей будущей конкурентки на европейской сцене.

В эпизодах, связанных с рассказом о юности, Екатерина II рисует образ юного философа в соответствии с именем, полученным ею при рождении. «Юный философ», кстати, — шуточное прозвище, которым называют ее в своей переписке мать и наставник — шведский граф Гюлленборг,²⁴ а также часть заглавия не дошедшего до нас и уничтоженного великой княгиней во время следствия над А. П. Бестужевым первого автобиографического опыта, написанного по предложению наставника, — «Портрет философа в 15 лет». Образ юной Софии, носительницы зрелости и мудрости еще с самого младенчества, вписывается в дальнейшем в автобиографический образ разумной, последовательной и целеустремленной великой княгини Екатерины, которая уже на престоле будет прозвана современниками Минервой, Семiramидой и прочими льстящими ее самолюбию именами. Эти черты соответствуют также агиографическому образу небесной покровительницы русской царицы.²⁵

священная графине Брюс 1771 г.; посвященная барону А. Черкасову начала 90-х гг.; опубликованная А. И. Герценом под названием «Собственноручные записки», над которой императрица предположительно работала в середине 90-х гг. вплоть до своей смерти.

²⁴ См. об этом: *Вачева А.* Ментор и принцесса : (Образ воспитателя в автобиографии Екатерины II) // *Реката на времето. Сборник в памет на проф. Людмила Боева. София: Университетско издателство, 2007. С. 199—207.*

²⁵ Интересно отметить, что подобную ассимиляцию культа Софии—Премудрости Божией культом св. Екатерины в конце XVII—начале XVIII в.

Центральный эпизод жития св. Екатерины — эпизод обручения с Небесным Царем Христом. Этот эпизод, как убедительно показал Г. Маркер, прочно вошел в символику русского абсолютизма еще в Петровское время и в эпоху правления Екатерины I.

Эпизод перехода в православие и обручения концептуален в автобиографическом тексте. В различных вариантах автобиографии можно найти лишь скурые заметки по поводу перехода в православие и в новое качество — невесты наследника российского престола. Это небольшие фрагменты в редакции 1771 г., посвященной графине Брюс, в позднейшей редакции 1794—1796 гг., известной под названием «Собственноручные записки», и редакции конца 1750-х гг., по предположению академика А. Н. Пыпина, предназначенной Станиславу-Августу Понятовскому. Самым обстоятельным образом обращение в православие описано в редакции 1771 г. В ней автор останавливается на подготовке к обращению, упоминая о своем старании произносить правильно Символ веры по-русски, избегая украинского акцента, о догадках в связи с выбором крестной матери и решении императрицы Елизаветы по этому поводу. Сам обряд описан довольно немногословно:

«Когда меня одели, я пошла к исповеди и, как только настало время идти в церковь, императрица сама зашла за мной; она заказала мне платье, похожее на свое, малиновое с серебром, и мы прошли торжественным шествием в церковь через все покои среди нескончаемой толпы. У входа мне велели стать на колени на подушке. Потом императрица приказала подождать с обрядом, прошла через церковь и направилась к себе, оттуда через четверть часа вернулась, ведя за руку игуменью Новодевичьего монастыря, старуху по крайней мере лет восьмидесяти, со славой подвижницы. Она поставила ее возле меня на место крестной матери, и обряд начался. Говорят, я прочла свое исповедание веры как нельзя лучше, говорила громко и внятно, и произносила очень хорошо и правильно; после того, как это было кончено, я видела, что многие из присутствующих заливались слезами и в числе их была императрица; что меня касается, я стойко выдержала, и меня за это похвалили. В конце обедни императрица подошла ко мне и повела меня к причастию» (РТ—Б. С. 49—50).

отмечают ряд ученых, исследовавших политические сценарии русского двора. См.: *Thyrêt I. Between God and Tsar. : Religious symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. De Kalb, 2001. P. 147; Marker G. Imperial Saint. P. 15* и др.

Следуют подробности о полученных подарках, мимоходом упоминается обручение с великим князем («...мать повела меня к императрице, где мы нашли великого князя. Е. И. В. вышла из своих покоев с большой свитой и отправились пешком в собор, где я была обручена великому князю архиепископом Новгородским, принявшим накануне от меня исповедание веры, и там в церкви, тотчас после обручения, я получила титул великой княгини с наименованием — императорского высочества» (РТ—Б. С. 50). Больше внимание, однако, уделяется интригам в связи с прибавлением определения «наследница» в указе Сената относительно титулов. В дальнейшем довольно подробно идет рассказ о составлении двора.

В позднейшей редакции описание события еще лаконичнее. Обо всем упоминается всего в нескольких строчках:

«Вернувшись с великим князем в Москву, мы с матерью стали жить более замкнуто; у нас бывало меньше народу, и меня готовили к исповеданию веры. 28-е июня было назначено для этой церемонии и следующий день, Петров день, для моего обручения с великим князем <...>. В июле месяце императрица праздновала в Москве мир со Швецией, и по случаю этого праздника она составила мне двор, как обрученной русской великой княжне...» (РТ—СРЗ. С. 215).

В автобиографическом фрагменте 1750-х гг. эпизод обращения в православие более сходен с его концепцией в ранней редакции. Сообщаются некоторые подробности, и только в нем идет речь о получении нового имени:

«За день до Петрова дня я прочла свое исповедание веры и приняла святое причастие в общей придворной церкви, в присутствии неисчислимой толпы народа: я прочла на русском языке, которого даже не понимала, очень бегло и с безукоризненным произношением 50 листов в четвертку, после чего прочла наизусть Символ веры; архиепископ Новгородский и настоятельница Девичьего монастыря, со славой подвижницы, были моими восприемниками; мне дали имя, которое я теперь ношу, исключительно по той причине, что то, которое я имела, было ненавистно из-за козней сестры Петра Великого, которая носила такое же» (РТ. С. 479).

Гораздо обстоятельнее описано шествие в церковь («между гвардейскими полками, которые были расставлены шпалерами») и церемония обручения («на возвышении среди церкви, покрытое бархатом, где архиепископ Амвросий нас обручил, после чего императрица обменяла кольца...») (РТ. С. 480), пушечные салюты, торжества, бал. Сообщаются также бытовые факты, входящие в резкий диссонанс с возвышенностью происходящего, — о сто-

имости колец, о претензии самовлюбленной матери мемуаристки на более почетное, чем положено, место в церемонии, о «привилегиях» в танцах и пр.

Наличие такого эпизода в двух основных редакциях мемуаров и в раннем автобиографическом этюде говорит о значении, которое императрица придавала этому ответственному моменту своей жизни. Именно в этот момент она делает важнейший шаг в стремлении преодолеть свою чуждость новой родине, прилагая значительные усилия. Наряду с упорными занятиями русским языком,²⁶ едва не стоившими жизни юной героине, интересом к обычаям и поведению русских, желанием быть во всем, как они, церемония перехода в православие заканчивает инициацию героини в русское пространство, создание ею новой родины. Очевидно, это была особо важная церемония и в жизни других великих княгинь — иностранных невест наследников российского престола, членов царствующей фамилии. Судя по сообщаемым Екатериной сведениям, это были торжественные и пышные церемонии, свидетельствовавшие о высокой значимости церемониала в жизни русского двора. Описание достойного поведения и самообладания юной героини во время церемонии поддерживало имидж мемуаристки как носительницы высоких моральных качеств.

Что же касается интерпретации этого эпизода в различных редакциях, то надо отметить, что в движении от более экстенсивного рассказа, полного всевозможных подробностей, имен и пр., к лапидарному упоминанию обстоятельств сказывается часто применяемый Екатериной прием в автобиографическом повествовании. Такой же прием прослеживается в ее переписке, в которой часто об особенно важных вещах упоминается как будто мимоходом, часто одной и реже двумя—тремя фразами. Это на фоне обстоятельных отчетов о комнатных собачках, обсуждении сюжетов картин, рассказах о строительстве зданий и незначительной светской болтовне. Императрица старательно устраняет из автобиографического рассказа то, что могло бы повредить желаемым внушениям. В первых двух по времени редакциях подчеркивается роль императрицы Елизаветы Петровны, проявляющей свою благосклонность и демонстрирующей своеобразную преемственность с будущей невесткой — она сама ведет принцессу

²⁶ Кстати, усердие великой княгини было доведено до сведения публики. В «Санкт-Петербургских ведомостях» (1744. № 25. С. 198) было сообщено, что «молодая принцесса показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение оногo ежедневно по несколько часов употреблять изволит...» (Сб. РИО. Т. 7. С. 26).

в храм, сама находит достойную и почитаемую крестную мать, дарит будущей невестке платье, сшитое из такой же материи, как ее собственное (тут же вспомним ревность Елизаветы по поводу конкурирующих нарядов других дам, хорошо описанную самой Екатериной в мемуарах). Фигура же крестной матери со славой подвижницы предполагает духовное наставничество в новой вере, подчинение авторитету почитаемой в обществе особе. Концепция *self-made women* в поздней редакции автобиографии приводит к тому, что автор устраняет, как это происходит и в случае с образом наставника графа Гюлленборга,²⁷ присутствие авторитетов и ставит акцент на собственной личности, не пускаясь в лишние подробности.

Следует, однако, обратить внимание на факт, что во всех рассматриваемых редакциях в центре внимания стоит обручение, а не сама свадьба. В автобиографическом этюде есть упоминания о том, что день свадьбы приближается, но мемуаристка вообще не описывает самого события. В редакции, посвященной графине Брюс, эпизод свадьбы является финальным, на нем текст первого варианта автобиографии обрывается. Он является довольно обширным и исчерпывающим, занимает две-три страницы. В редакции текста, посвященной барону Черкасову, начала 1790-х гг. повествование начинается днем после свадьбы. В редакции 1771 г. мемуаристка сообщает всевозможные детали, связанные с ее внешним видом, — типично по-женски она вспоминает перипетии с прической, платье, поведение разных лиц и пр.

В «Собственноручных записках», следуя установившейся манере повествования, автор отказывается от описания события. Вся церемония, бесспорно составлявшая интерес для любого читателя, сосредоточена в одном коротком и сухом предложении: «Свадьба была отпразднована с большой пышностью и великолепием» (СРЗ. С. 236). Сама рубрика «Свадьба» в последней редакции занимает 5-6 строчек печатного текста. В отрывке акцент ставится на недобром предчувствии несчастного замужества, но и на уверенности в том, что именно ей предстоит стать владычицей своей новой родины:

«Из Петергофа к концу июля мы вернулись в город, где все приготовлялось к празднованию нашей свадьбы. Наконец, 21 августа было назначено императрицей для этой церемонии. По мере того как этот день приближался, моя грусть становилась все более и более глубокой, сердце не предвещало мне большого счастья, одно честолюбие меня поддерживало; в глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться ни минуты в том,

²⁷ Там же.

что рано или поздно мне самой по себе удастся стать самодержавной русской императрицей» (СРЗ. С. 236).

Эти предчувствия вписываются в две главные сюжетные линии мемуаров — описания несчастного замужества мемуаристки и старательной ее подготовки к своему великому предназначению. Однако, если обратиться к более общему фону перемен, произошедших в рассматриваемый период жизни автора, надо вспомнить и о принятии нового имени, так и оставшемся «за кадром». Предпочтение эпизода обручения эпизоду свадьбы прочитывается на фоне вопроса о новом имени, в биографии мемуаристки связанного и с приобретением ею нового статуса.

В цитированных отрывках обращает также на себя внимание повторяющееся упоминание даты обручения — Петрова дня. Событие действительно имело место в день именин наследника престола, но императрица услужливо «вспоминает» лишь такие подробности, которые могли бы вписаться в позднейшие сценарии ее жизни. Не надо забывать, что именно в Петров день восемнадцать лет спустя, пользуясь праздником, она совершит свой решительный шаг к власти. Подобным образом, кстати, воспользовалась именинами своей матери Елизавета Петровна: «Восшествие Елизаветы на престол было тщательно спланировано и хорошо организовано (*choreographed*). Вечером 24 ноября 1741 года царица Елизавета Петровна присутствовала на службе по случаю дня св. Екатерины, хорошо зная, что пока она на коленях молится покровительнице своей матери, совершается переворот, который должен был возвести ее на престол на следующий же день».²⁸

Как уже было упомянуто, Екатерина II отмечает в черновом варианте 1750-х гг., предположительно предназначавшемся Понятовскому, желание Елизаветы воспроизвести в великокняжеской чете имена своих родителей. Г. Маркер комментирует богатую символику акта повторения имен Петра и Екатерины: «Не имея официального супруга и легитимных потомков, она ритуально воспроизвела своих собственных предков, как бы разыгрывая символически роды девы. Это было единство супруга и супруги, императора и императрицы, Петра и Екатерины, от которых Елизавета выводила свое собственное происхождение и свою способность управлять и которое она режиссировала при женитьбе своего племянника, нового Петра на новой Екатерине».²⁹ Обручение с империей — основная идея, заложенная в ритуале самой Елизаветой,³⁰ была отлично понята Екатериной II и воплощена

²⁸ *Marker G. Imperial Saint. P. 215.*

²⁹ *Ibid. P. 217.*

³⁰ *Ibid.*

ею в автобиографии. Очень интересно взглянуть с этой точки зрения на широкое использование мотива несчастного брака в мемуарах. Брак с империей — это то, что непостижимо на земле и возможно только на небесах. Эта мысль лежит в основе главной сюжетной линии мемуаров, это та цель, во имя которой можно вытерпеть все: интриги, сплетни, неудовольствие императрицы, причуды и враждебность супруга, рисковать и делать роковые ставки, вести в течение восемнадцати лет «такую жизнь, что десяток иных могли бы сойти с ума, а двадцать на моем месте умерли бы с горя» (Ч. С. 93). Об этом повествовательница упомянула в редакции, посвященной графине Брюс: «...я с моего приезда в империю была глубоко убеждена, что венец небесный не может быть отделен от венца земного» (РТ—Б. С. 45). Брак с империей — это цель жизни юной немецкой принцессы: «...он [великий князь. — А. В.] был для меня безразличен, но не безразлична была для меня русская корона» (РТ—СРЗ. С. 214).

Екатерина II продолжила дело своей предшественницы (и наставницы, у которой она, несмотря на амбивалентное и порой неласковое отношение, многому научилась). Она поддерживала и развивала в дальнейшем культ св. Екатерины и широко использовала основанный Петром орден, применяя и то и другое в «сценариях» своей власти. Кроме того, она потрудилась создать свой «культ», «св. Екатерины Петербургской», как в шутку, но чтобы польстить, называет ее Вольтер, пользуясь не только русскими интерпретациями образа святой, но также и своим имиджем среди западноевропейских просветителей,³¹ то есть она творила свое имя.

Помимо эпизода обручения, в концепции автобиографического образа можно найти соответствие еще с одним эмблематическим сюжетным мотивом жития св. Екатерины. Это любовь к знанию и чтению.

Наиболее актуальным по времени вариантом по отношению к автобиографическому тексту императрицы было житие св. Екатерины в интерпретации Димитрия Ростовского. Как отмечает Г. Маркер, «когда во второй половине петровского царствования клерикальные панегиристы взялись за изобретение нового и более имперского культа св. Екатерины, сочинения Димитрия, которые сами содержали несколько панегириков, предоставили им плодотворное и политически неопровержимое основание, на

³¹ Можно вспомнить еще одну черту из международной репутации императрицы, которой она гордилась как свидетельством своей просвещенности и прогрессивности: оспопрививание. В тексте публичной жизни владелицы оно в какой-то степени соответствует культу св. Екатерины как целительницы. Известно, что многие верующие, и особенно женщины, молятся святой, надеясь исцелиться.

котором можно было сконструировать политическую агиографию». ³² Исследователь обращает внимание на то, что Димитрий Ростовский, первый канонизированный в 1757 г. Синодом русский святой, умер в 1709 г., задолго до того, как будущая Екатерина I была публично коронована, поэтому его работы не подвергались унижительному подозрению, что были написаны под политическим диктатом. ³³

Основные мотивы жития св. Екатерины в варианте Димитрия Ростовского — знатное происхождение, высокий интеллект, обручение с Христом, способность победить мужчин в философском диспуте, а также сила, храбрость, мужество, даже рыцарство и черты девы-воина — качества, отличающие образ этой святой, ³⁴ — прочно вошли в имперский сценарий Петра Великого в связи с мифологизацией личности его супруги — императрицы Екатерины I. Эти традиционные и привнесенные Димитрием Ростовским качества святой входят также в символику ордена св. Екатерины.

Екатерина II не только хорошо знала житие своей покровительницы и символику ордена, который она присуждала заслуженным дамам империи. Она вводит отсылки к одному из популярнейших в то время житий в своей автобиографии, отказываясь при этом от эксплицитно выраженных аналогий, так же как отказалась от слишком упрощенного утверждения в черновом этюде мемуаров о том, что императрица Елизавета Петровна хотела повторить в великокняжеской чете имена своих родителей. В то же самое время концепция собственного образа в автобиографии отсылает к основным эпизодам жития св. Екатерины. Все это не противоречит высказанным ранее тезисам о романном дискурсе в автобиографии императрицы. Черты, введенные в собственный образ в соответствии с житием, сочетаются с мотивами, которые можно рассматривать как заимствованные из западноевропейского романа того времени. Именно через мотивы, взятые из жития, можно объяснить специфику использования некоторых романских мотивов.

Сама концепция образа мемуаристки как «мудрой девы» на протяжении первых лет ее пребывания в России, рыцаря в душе, сочетающей женскую привлекательность и мужскую смелость и ловкость, находит соответствия в образе ее небесной покровительницы в интерпретации Димитрия Ростовского.

Самое большое сходство, однако, которое сразу же бросается в глаза, — это высокая образованность, любовь к книгам, преи-

³² Marker G. Imperial Saint. P. 105.

³³ Ibid. P. 106.

³⁴ Ibid. P. 115—118, 120.

мущество перед многими мужчинами просвещенной Екатерины — как святой, так и царственной обладательницы этого имени.

«Во времена нечестивого царя Максимиана бѣ во градѣ Александрии дѣвица именем Екатерина, дочь Консты, прежняго царя, зѣло красна, возрастом высока, осьмнадцать лѣтъ имущая, зѣле премудра, научися бо всякому еллинскому писанию, навиче мудрости всѣх древних книготворцев: Омира, Вергилия, Аристотеля, Платона и прочих. Не токмо философов, но и врачей книги добрѣ увѣда: Асклипиа, Ипократа, Галина, и просто речи, всему риторскому и силлогистическому мудрованию и всякому речению и языку изучися, яко всѣм дивитися премудрости ея».³⁵

Начало жития в интерпретации Димитрия Ростовского вызывает в памяти репертуар «серьезного чтения» мемуаристики, глотавшей от скуки кучи романов, но *читавшей* и внимательно штудировавшей произведения не только древних, но и прежде всего современных «мудрецов»: П. Бейля, Вольтера, Монтескье. Это и объясняет факт отсутствия романских заглавий в тексте мемуаров при всем значительном присутствии романной топики в них. Напомню, что упоминается всего лишь одно романное заглавие, да и то не слишком известного романа — «Tiran le blanc», да еще какой-то «Espion Turk» (РТ—Ч. С. 118). Сюжеты этих книг, однако, «идеологически корректны» и соответствуют одному из главных аспектов внешней политики Екатерины — стремлению к взятию Константинополя и так называемому Греческому проекту, поскольку первое описывает подвиги рыцаря, участвовавшего во взятии византийской столицы.

В автохарактеристиках, введенных императрицей, следует обратить внимание на упоминание возраста св. Екатерины. Ей было всего восемнадцать лет от роду, когда она в совершенстве изучила творения всех языческих писателей и всех древних стихотворцев и философов, как например Гомера, Вергилия, Аристотеля, Платона и других. Перед царем Максимином святая заявляет: «Аз есмь дочь царя, прежде тебе бывшаго, нарицаюся Екатерина, научена же есмь всему художеству, писменем риторским, философским, землемѣрию и прочым премудростям». Юная великая княгиня Екатерина примерно в том же возрасте по внушению графа Гюлленборга³⁶ стала заниматься развитием своего ума и читать «Жизнеописания» Плутарха, «Жизнь Цицерона» и «Причины величия и падения римской республики» Монтескье. Примерно в том же возрасте с огромным терпением и настойчивостью одо-

³⁵ *Свт. Димитрий Ростовский*. Книга житий святых. Книга первая: сентябрь, октябрь, ноябрь. Киево-Печерская лавра, 1764. Л. 454.

³⁶ См.: *Вачева А.* Ментор и принцесса. С. 199—207.

левала она четыре толстейшие тома «Словаря» Бейля, как гордо сама заявляет, по одному в полгода. Тут можно добавить целый ряд исторических и философских сочинений различных времен, пятитомную «Историю путешествий», читаемую «с картой на столе» и первые тома «Энциклопедии», согласно черновому плану записок (РТ. С. 464). Юность и ученость героинь, превосходящих своими познаниями многих своих современников, — общий мотив, который удачно используется императрицей.

С точки зрения мотива «мудрой девы» несколько по-другому можно подойти и к мотиву неконсуммированного брака на протяжении первых девяти лет замужества в автобиографии. По житию, св. Екатерина отказывается выйти замуж, пока не найдется достойный жених, который был бы равным ей по своим качествам. «Аще хотите, да посягну за мужа, то обрящѣте ми такового юношу, да будет подобен мнѣ в четырех дарованиях, имиже аз (якоже сами исповѣдуете) превосхожду вся прочыя отроковицы, и тогда взятии его в мужа изволю, понеже недостойнѣшаго мене и худдшаго пояти не хошу: испытуйте убо повсюду, аще будет кто подобен мнѣ во благородии, в богатствѣ, в красотѣ, в премудрости».³⁷ Святая требует равного себе мужа прежде всего по знаниям и интеллекту: «...без книжнаго жениха имѣти не изволю».³⁸ Если всмотреться внимательно в автобиографический текст, то можно увидеть отсылки и к этому мотиву. Великий князь Петр Федорович и во всех редакциях екатерининских мемуаров, и в воспоминаниях других современников — далеко не идеальный жених. В позднейшей редакции автобиографии он иллюстрирует своим поведением антитезу, отрицательный полюс, в предложенном в начале повествования силлогизме. В тексте автобиографии во всех редакциях проводится устойчивый мотив противопоставленности супругов, крайней их несовместимости, диаметрально противоположных интересов, характеров. Причем с течением времени в различных вариантах текста старательно устраняются мотивы, которые могли бы быть истолкованы неоднозначно: о наличии известной симпатии между ними в юности, о кое-каких общих интересах и переживаниях. Мемуаристка нигде не пропускает возможности подчеркнуть добродетельность своего поведения, положительные качества, рыцарское благородство и мужественное поведение в сложных и щекотливых ситуациях, свое преимущество перед супругом даже в физической выдержке (мотив амазонки³⁹) и ловкости. Таким об-

³⁷ Свт. Димитрий Ростовский. Книга житий святых. Л. 454.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Вачева А. «...Я страшно люблю верховую езду»: Топос амазонки в автобиографии Екатерины II // Болгарская русистика. 2005. № 3—4. С. 48—59.

разом, автор мемуаров в рассказе о своей молодости делает постоянный идеологический акцент, цель которого — представить ее историю до восшествия на престол как длительную терпеливую, полную испытаний, но вполне осознанную и режиссированную ею одной подготовку к трону и своей миссии. Мотив сохранения девства, непорочности, во время интеллектуального развития (на протяжении девяти! лет) соответствует аналогичному мотиву из жития небесной покровительницы. Само же «грехопадение», свою первую любовную историю, Екатерина представляет как результат соблазна, пользуясь романной «маской»⁴⁰ и отказываясь от модели чистосердечного признания. Мемуарный рассказ оставляет впечатление пережитой, но не прощенной до конца горечи от осознания себя жертвой придворной интриги и предательства возлюбленного. Обманутая и преданная непорочность и в то же время испытание силы характера — это дополнительный мотив, который можно добавить к интерпретации рассматриваемого эпизода мемуаров.

Екатерина II писала, однако, не свое житие, а автобиографию. Реалистичность и житейский прагматизм, свойственные ее мышлению, сделали невозможным идеальный житийный образ страстотерпицы. Автобиографический образ чужд мистике, экзальтации. Тем не менее она удачно пользовалась в создании автобиографического рассказа известными мотивами популярнейшего в ее время религиозного культа св. Екатерины, своей покровительницы, которые к тому времени и не без ее участия прочно вошли в политическую символику, активно использовавшуюся русским двором. Сюжетные мотивы, соотносимые с житием св. Екатерины, хорошо сочетались с рационально и мастерски подобранными романскими мотивами, а также бесконфликтно укладывались в метафорический язык государственных посланий. В автобиографическом рассказе мотивы, заимствованные из религиозного текста, и мотивы, заимствованные из арсенала романной поэтики, становились средствами создания мифологии собственной личности императрицы, которыми она стремилась дополнить бытовавшие в общественном пространстве не только России, но и Европы положительные представления о своей личности и если не устранить, то хотя бы уменьшить и нейтрализовать накопленную отрицательную мифологию. Таким образом, Екатерина II «строила свое имя» не только в жизни, но и в автобиографии.

⁴⁰ См.: Вачева А. «Не судите обо мне, как о других женщинах...»: Мемуары Екатерины II и «Письма мисс Фанни Батлер» г-жи Риккбони // Новое литературное обозрение. 2006. № 80. С. 111—130.